

DOI 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-55-69

УДК 392(=512.122)

Александр Вячеславович Рябов

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1767-1479
E-mail: ryboff@yandex.ru

Наталья Валерьевна Кузнецова

Московский городской педагогический университет
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-0116-4512
E-mail: nwkusnetsova@yandex.ru

Российский чиновник о суде и наказании в казахской среде первой половины XIX в. (по повести В. И. Даля «Бикей и Мауляна»)

АННОТАЦИЯ. В. И. Даль служил чиновником особых поручений в Оренбурге с 1833 г., непосредственно наблюдал административные преобразования в регионе, участвовал в этих изменениях. Военный губернатор В. А. Перовский наделил его широкими полномочиями. Работу над повестью «Бикей и Мауляна» Даль начинает сразу по прибытии в Оренбург. В ее основу легли реальные события дела об убийстве Бикей 1831 г. Тема суда и наказания раскрывается в событиях повести и отступлениях — рассуждениях, описаниях, вставных эпизодах. Даль говорит о реализации права сильного и нормах обычного права, описывает традиционный суд кочевников, рассуждает о российском правосудии. Домашняя расправа кочевников становится основной событийной канвой повести, в отступлениях тема суда и наказания раскрывается гораздо шире. Российский чиновник, Даль, создавая в повести ряд противопоставлений, подводит читателя к идее о положительной для казахов роли русских в регионе. Снимая антитезу «восточный vs западный человек», он акцентирует, что для каждого характерен особый уклад жизни, свое восприятие реальности. Одновременно автор повести показывает, что следует повлиять на привычку кочевников к самоуправству, изменить характерные для них способы наказывать за преступления. Тем самым Даль проводит актуальную для своего времени идею о необходимости реформирования судебной системы в регионе, подчеркивает положительное значение цивилизаторской миссии Российской империи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Даль, Российская империя, казахи, первая половина XIX в., суд, наказание, повесть

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рябов А. В., Кузнецова Н. В. Российский чиновник о суде и наказании в казахской среде первой половины XIX в. (по повести В. И. Даля «Бикей и Мауляна»). *Кунсткамера*. 2023. 3(21): 55–69. doi 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-55-69

Aleksandr Ryabov

Saint-Petersburg University of State Fire Service
of EMERCOM of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1767-1479
E-mail: ryboff@yandex.ru

Natalia Kuznetsova

Moscow City University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-0116-4512
E-mail: nwkusnetsova@yandex.ru

**A Russian Official about Trial and Punishment
among the Kazakh in the First Half of the 19th Century
(Based on V. I. Dahl's Story "Bikey and Maulyana")**

ABSTRACT. V. I. Dahl served as an official of special assignments in Orenburg since 1833, directly observed the administrative changes in the region, took part in these changes. Military governor V. A. Perovsky vested him with wide powers. Dahl began his work on the story "Bikey and Maulyana" immediately after his arrival to Orenburg; it was based on real events of the case of Bikey's murder in 1831. The theme of trial and punishment is revealed in the events of the story and digressions – reasoning, descriptions, inserted episodes. Dahl speaks about the implementation of the strongman's right and the norms of customary law, describes traditional nomadic trial, reasons about Russian justice. Nomads' domestic vigilante justice is the event outline of the story; in digressions, the theme of trial and punishment is revealed much broader. The Russian official creates a number of oppositions in the story and leads to the idea of the positive role of the Russians in the region for the Kazakhs. He removes the antithesis of the Eastern and Western man, stressing that each person has his own way of life, his own perception of reality. At the same time, he seeks to demonstrate that it is necessary to influence the nomads' habit of arbitrariness, to change their characteristic methods of punishing crimes. Thus, Dahl conveys the idea, which was relevant at the time of the writing the story, of the need to reform the judicial system in the region, and emphasizes the positive value of the civilizational mission of the Russian Empire.

KEYWORDS: Dahl, Russian Empire, Kazakhs, first half of the 19th century, trial, punishment, story

FOR CITATION: Ryabov A., Kuznetsova N. A Russian Official about Trial and Punishment among the Kazakh in the First Half of the 19th Century (Based on V. I. Dahl's Story "Bikey and Maulyana"). *Kunstkamera*. 2023. 3(21): 55–69. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-55-69

В 1833 г. Владимир Иванович Даль прибыл в Оренбург в качестве чиновника особых поручений при В. А. Перовском, который состоял в должности оренбургского военного губернатора с 15 апреля 1833 г. и лично занимался вопросом о переводе Даля. Министр внутренних дел Д. Н. Блудов предоставил ему в этом полную свободу действий. При Перовском служили и другие чиновники особых поручений, при этом каждый из них обладал узкой сферой ответственности. Один отвечал за возведение гражданских строений, другой управлял губернаторской канцелярией, третий курировал следственные дела. Дая военный губернатор наделил более широкими полномочиями, объявив в начале службы своего подчиненного, в августе 1833 г., что предполагает привлекать его к разным делам края (Модестов 1913: 14–21, 26). В открытом предписании В. А. Перовского 1839 г. городничим, султанам и всем начальникам Оренбургской губернии было сообщено о необходимости оказывать всякое содействие состоящему при нем чиновнику особых поручений Далю во время его командировок в разные места губернии для исполнения поручений военного губернатора, «по требованию его доставлять без замедления все необходимые сведения, давать потребное под съезд число почтовых или обывательских лошадей» (цит. по: Модестов 1913: 35).

Работа над повестью «Бикей и Мауляна» началась в 1833 г., то есть сразу по прибытии Даля в Оренбург. Исследователи его творчества И. К. Зубова (2001) и Г. С. Умарова (2012) приводят сведения о хранящемся в Государственном архиве Оренбургской области деле, в документах которого отображены факты, практически совпадающие с событийной канвой повести. Даль называет персонажей именами реальных, а не вымышленных лиц, включает в произведение описания очевидцев из документов, усиливая тем самым его реалистичность. В это архивное дело включена деловая переписка председателя Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генса и военного губернатора П. П. Сухтелена. Рапорты по делу об убийстве Бикейя датируются 1831 г. (Зубова 2001: 124; Умарова 2012: 72). И. К. Зубова пишет:

Он приехал в Оренбург, когда история Бикейя и Мауляны была еще свежа в памяти, и ему могли рассказать о ней сослуживцы, в первую очередь Г. Ф. Генс и атаман Уральского казачьего войска В. О. Покатиллов... множество подробностей Даль узнавал и от людей, близких его героям, поскольку его связывали с ними добрые отношения. <...> Очевидцы говорили ему обо всех событиях, имевших такой трагический конец, от них же он узнал, каким на самом деле был Бикей (Зубова 2001: 126).

Выбор темы исследования обусловлен, во-первых, содержанием документов дела, которое заинтересовало В. И. Дая: речь идет об убийстве Бикейя, а темы убийства, суда и наказания входят в одно смысловое поле, неразрывно связаны друг с другом. Во-вторых, интерес Даля вызван особым характером службы российского чиновника. Обладая самыми широкими полномочиями при исполнении своих служебных обязанностей, он непосредственно наблюдал как жизнь казахов, так и административные преобразования в регионе, в том числе в правовом поле, участвовал в этих преобразованиях. С учетом названных обстоятельств определена цель исследования — показать, как российский чиновник, наделенный широкими полномочиями, раскрыл тему суда и наказания в казахской среде первой половины XIX в. в своей повести «Бикей и Мауляна».

С подобного ракурса это произведение, насколько нам известно, в научной литературе рассмотрено еще не было. Как правило, исследователи делают акцент на реалистическом характере произведения, испытаниях персонажей и любовной линии повести. Освещается вопрос об отображении культурно-бытовых реалий казахской жизни, таких как многоженство, традиция сватать детей, баранта, имущественное неравенство, скачки, народные игры. О репрезентации темы суда и наказания, правосудия в целом говорится эпизодически, в основном уделяется внимание трагичной судьбе героев, их покаянию, проблемам свободы, отцов и детей, образам казаха-кочевника и казахской степи, фольклорным традициям (Умарова 2012; Сухих 2007; Опря 2003; Зубова 2001; Ботаева 2017). С учетом поставленной цели к исследованию подключены работы, в которых

анализируются обычное право казахов в рассматриваемый исторический период, особенности казахского социума, административные преобразования в регионе (Васильев 2013; 2015; Зиманов 2009; Зинуров 2012; Почекаев 2019; Далаева).

Текст Даля мы рассматриваем как исторический источник. В первой части анализируется, как тема суда и наказания раскрывается в событийной канве повести, во второй — в отступлениях от нее.

В статье использовались также термины, которые характерны для филологической науки: персонаж (герой) и рассказчик. Уточним значение последнего. Точка зрения рассказчика не тождественна позиции российского чиновника В. И. Даля. Как автор повести он использует этот образ, чтобы выразить свои идеи, симпатии или антипатии к другим персонажам. Однако комплексно позиция Даля в отношении суда и наказания в казахской среде первой половины XIX в. может быть осмыслена только при детализированном анализе, сопоставлении произведения с другими источниками.

* * *

Рассказчик повести высказывает симпатии к главным персонажам — Бикею и Мауляне, отрицательно характеризует Джан-Кучука, главного убийцу Бикея, однако в событийной канве гибель Бикея не выглядит неожиданностью. Практически во всех эпизодах, связанных с ним, в той или иной степени возникает тема суда и наказания (расправы¹).

Детальное описание Бикея приводится уже в первой главе. Подробно говорится об одежде, обуви, головном уборе, оружии казаха, подчеркивается, что он был одет чище и лучше остальных. Бикей — из рода Тана, он стоит во главе «киргизского прикрытия» — группы танинцев, которая охраняет караван от грабежей. Его отец Исянгильди — глава рода, богатейший из оренбургских казахов, старшина отделения Гасан, аксакал, чье отделение «известно своим спокойствием и благосостоянием» (Даль 1884: 281).

Акцентируя внимание на том, что отец не ладил с сыном, рассказчик раскрывает одну деталь семейной истории, которая не раз становится поводом для упреков в несправедливости со стороны Бикея. Бикей был сыном Исянгильди от второй жены, и его сестру по матери выдали замуж без калыма, «взачет умершей» дочери от первой жены, за которую калым был выплачен. Вторая причина непростых отношений с отцом связана с женитьбой Бикея на Мауляне. Их взаимное чувство возникло во время популярного среди казахов верхового состязания парня с девушкой. Причем у Бикея была другая невеста, а Мауляна предназначалась его старшему брату. Исянгильди за обеих выплачивал калым.

За Мауляну Бикей выплачивал в итоге калым сам, взяв в долг у уральских казаков, так как отец отказался это делать, требуя, чтобы сын женился сначала на той, за которую уже три года шли выплаты. Бикей женился только на Мауляне и увез ее в свой аул. Вражда с отцом и братьями не утихла, а, напротив, усилилась, так как «Бикей не переставал требовать калыма за сестру свою, отданную постыдным образом... между тем как значительный калым, за нее следовавший, остался у старших братьев, сыновей первой жены» (Даль 1884: 340). Бикей спустя два года после женитьбы «добыл уже вес и значение, не только в ауле своем, но и во всем Танинском роде» (Даль 1884: 346). Братья в связи с этим сообщали отцу, что Бикей посягает на его звание, достоинство. Исянгильди был недоверчив, и его «легко было уверить, что Бикей — урус, русский, и добивается на Линии почестей и могущества» (Даль 1884: 347).

Обида за выданную без калыма сестру не оставляла Бикея. В разговоре с отцом он просит выделить ему имущество, так как уверен, что братья после смерти Исянгильди «разобидят в пух», он не захочет им этого спустить, и тогда «быть беде». Главный герой повести считает справедливым, если отец даст ему скота поровну с братьями, прибавив «что-нибудь за калым сестры».

¹ В повести Даля слово «расправа» употребляется в значении «наказание», «приговор».

Исянгильди отказывает и, наоборот, грозит востребовать с сына калым, выплачиваемый за ту невесту, от которой Бикей отказался, причем снова просит жениться на ней, чтобы даром не пропало его добро. Бикей считает, что отец не прав, предлагая такое решение: «...суди Бог, как знает; кроме его, нам нет судьи. Слушай же: я с тебя правлю калым за сестру, ты с меня — калым за невесту; верстай же калым за калым, пусть добро мое пропадает, да выдели меня только наравне с братьями, и я снова Божий и твой» (Даль 1884: 349–350). Исянгильди отказывает отдать калым за сестру, заявляя «моя она дочь, а не твоя» (Даль 1884: 350), и собирается выделить имущество с учетом вычета калыма за первую невесту.

В начале повести показано: Исянгильди и Бикей — законопослушные подданные империи. Конфликт казахского населения с российской администрацией проявляется в бытовой сфере. Бикей начинает осуждать отца, что входит в противоречие сразу с несколькими нормами обычного права кочевников. Во-первых, он неправ уже самим фактом осуждения. Как сказано в «Описании киргизских обычаев, имеющих в Орде силу закона», составленном чиновником особых поручений Л. И. д'Андре: «Дети, обидевшие родителей своим словом или побоями, подлежат суду... Родители, превышающие власть свою над детьми, подлежат одному увещанию бия или того лица, к коему обратятся с жалобами, но за такие проступки виновные никакому иску не подлежат» (Материалы 1948: 132). Во-вторых, Бикей словно закрывает глаза на значение первой жены казаха в распределении семейного имущества, в том числе в отношении второй жены, то есть матери Бикей: «Байбича, или первая жена, полная хозяйка всего имущества наравне с мужем при жизни сего последнего. От нее отчасти зависит, что именно уделить из имения второй и третьей жене; следовательно, байбича во всяком случае имеет более, чем прочие жены» (Материалы 1948: 149).

В просьбе Бикей выделить имущество можно увидеть характерную для казахского общества практику прижизненного завещания:

[Завещание] делается без соблюдения каких-либо форм или на смертном одре, а иногда и в продолжении жизни. В обоих случаях исполняются слова завещателя. В первом случае свидетелями служат лица, находящиеся в кибитке умирающего, а во втором свидетелей иногда вовсе не бывает... Имущество, оставшееся после смерти ордынца, поступает в полную и неотъемлемую принадлежность вдовы (Материалы 1948: 143).

Просьба Бикей с учетом данной нормы обычного права вполне понятна: после смерти отца он не получил бы ничего.

После отказа Исянгильди исполнить просьбу о разделе имущества главный герой решает больше не обсуждать с ним дела, но не соглашается уступать братьям: «...старик выжил из лет; он дряхл и глуп, а все-таки отец мой; но мне ответ должны держать братья: они не ребята, и не старичишки, а знают дело и понимают его не хуже меня. А уступить им — я не уступлю: они и так уже заживо обокрали и отца, и меня» (Даль 1884: 350). Бикей решает смеяться братьям в лицо, дурачить их при людях, чтобы им стало стыдно. Решать вопрос силой он отказывается.

Исянгильди разделит имущество и, согласно своему решению, позволил выбрать из доли Бикей «любую сотню голов крупного скота» в счет калыма, который он отдал за первую невесту сына. Такой дележ вызвал обиду. Бикей знал: выплаченный калым не достигал ста голов, был в четыре раза меньше. Он начинает действовать согласно своему плану: при общении с братьями называет их пастухами своих стад, просит исправно приглядывать за своим добром, а когда ему нужен конь, баран, то приходит в стада к братьям, как к себе, ведет себя как хозяин имущества. Такие набеги Бикей делал всегда удачно, но ходил к братьям без оружия — этим уточнением в тексте создается косвенное сопоставление с барантой, а затем о ней говорится прямо: братья «пытались было несколько раз наверстать убытки свои из стад и табунов Бикей, угоняли обратно у него, по коренным степным законам баранты, овец и лошадей, но скоро оставили этот напрасный труд» (Даль 1884: 352). Бикей не сопротивлялся, сам отдавал братьям скот, называл их своими пастухами и вновь просил хорошо приглядывать за его добром.

Такая реакция поставила братьев в тупик. Они видели: в отношении Бикей «нет суда и нет средств ни покорить его, ни наказать» (Даль 1884: 353). Для решения вопроса братья и отец зовут баксы. Совет шамана был связан с судом. После выполнения ритуальных действий он прокричал приговор: «Жене судья — муж; дочери — отец; возмужалому человеку — старший в роде. Перед судьей должен явиться обвиняемый во всякое время; а непокорного судье Бог велит навязать на хвост кулану и пустить на безводный раскаленный Кызыл-кум!» (Даль 1884: 356). Прошло время, пока отец и братья решили позвать Бикей и судить его (в тексте указана точная дата: 4 сентября 1831 г.). Братьям доложили, что Бикей снова угнал пару отборных коней. Они стали требовать, чтобы отец вызвал его. Выведенный из себя Исянгильди закричал: «Позвать его ко мне! ...я отец его, я старший в роде Тана, старший в поколении Гассан; я глава семейства Янмурзы; я судья беззакония его, я и каратель; я ему докажу, что своеволие его мне надоело; докажу, что я ему судья, а не он мне!» (Даль 1884: 358).

Бикей заявляет гонцу, что того прислали не отец, а братья, поэтому он не придет. С его точки зрения, Исянгильди отказался от правосудия, совершив раздел имущества. Он говорит, что на зов отца готов идти всегда, а наказов братьев не слушает. Такой ответ довел старика до иступления, и он закричал «Живого или мертвого подайте!» Этих слов братья только и ждали. Приехав к Бикей, убили его и привезли тело в аул Исянгильди. На вопрос, кто убил, братья заявили: «Ты его убил, не мы; ты сам, мы только исполнители воли твоей!» (Даль 1884: 363). Исянгильди берет вину на себя, говоря: «Лишаясь одного сына, я должен спасти остальных; я его убил; на мне кровь его, на мне и ответ за кровь» (Даль 1884: 364).

В событийной канве четко показано: взаимную баранту начинает Бикей, причем руководствуется только своим личным решением, тем самым он идет против нормы обычного права по этому вопросу. Усугубляет ситуацию и приближает внутрисемейную расправу над ним отказ явиться к отцу.

Заметим, последняя глава в посмертном издании сочинений В. И. Даля 1884 г.² отличается от текста в прижизненном издании. В текст в форме цитат³ включены документы из дела по убийству Бикей⁴. В этой части повести, во-первых, видно, как российская администрация отреагировала на совершенное на подведомственной территории убийство. Султан Махмуд Алгазыев⁵ был отправлен «для розыскания, на место происшествия» (Даль 1884: 364). В результате в Пограничную комиссию было представлено донесение о том, «что Бикей, упав с лошади, сам себя поранил саблею и разбил голову, от чего и скончался» (Даль 1884: 364–365). По этому документу российская администрация делает вывод: «...султан Махмуд не мог или не хотел исследовать дела» (Даль 1884: 364). Также было получено донесение султана-правителя, где речь идет об умышленном убийстве Бикей, Исянгильди и его сыновья прямо называются убийцами. В донесении отца Бикей суть дела раскрывается так же, как и в донесении султана М. Алгазыева, при этом ко времени расследования Исянгильди уже «откочевал подальше от... Линии» (Даль 1884: 365). Была опрошена вдова Бикей (подробности не упоминаются). Собраны свидетельские показания: в форме цитаты в повести приводятся полученные в устной форме сведения. Указывается, что «народная молва, громко и согласно, обвиняет Исянгильдия со старшими сыновьями его, Джан-кучюком и Кунак-баем, в убийстве» (Даль 1884: 365).

Цитируемые в повести «Бикей и Мауляна» тексты по делу об убийстве Бикей, во-вторых, демонстрируют, насколько сложным было оно для российской администрации. По законам империи убийцы должны были быть наказаны. Согласно обычному праву, в большей степени не прав Бикей, чем его отец. Показания по делу различаются, виновные не признаются, прямые улики отсутствуют. В итоге было принято решение: «...преследование виновных по закону было бы не

² В статье цитаты из повести В. И. Даля «Бикей и Мауляна» приводятся по этому изданию.

³ В тексте при этом цитаты заключены в кавычки, но ссылки не даются, указания на авторов отсутствуют.

⁴ Документы рассмотрены в исследованиях И. К. Зубовой (2001) и Г. С. Умаровой (2012).

⁵ Султан Махмуд Алгазыев состоял на российской военной службе. Он был «пожалован в зауряд-есаулы в 1831 г. «за усердие в препровождении бухарских и хивинских караванов в 1830 г.» (Далаева).

только трудно и бесполезно, но даже вредно и невозможно» (Даль 1884: 365), так как законопослушные казахи отделения, которым управлял Исянгильди («богатые, почетные и многочисленные родственники старшины»), могли откочевать в степь и присоединиться к разбойникам. Российская администрация осознавала, что совершенное бездействие тоже невозможно. В итоге было составлено распоряжение, где старшину Исянгильди отстраняли от должности дистанционного начальника, объявляли его подозреваемым в убийстве Бикея, «всех сотоварищей» Исянгильди внесли «в алфавитный список подозрительных киргизов», султану-правителю предписали «иметь строгое наблюдение за поведением и поступками подозреваемых» (Даль 1884: 367).

Вслед за этим распоряжением в повести автор рассуждает о решении представителей российской администрации, которое называлось благоразумным и сообразным местным обстоятельствам. При этом отмечается: «...оно, конечно, в сущности, не изменило положения дела, потому что дело это было в отношении мер законной власти неисправимо и неизменяемо». Предоставление ложной информации со стороны казахов по делу рассказчик объясняет тем, что казахи «боятся суда и судей, как огня» (Даль 1884: 367).

* * *

О суде и наказании в казахской среде первой половины XIX в. речь идет не только в событийной канве повести, но и в отступлениях — рассуждениях и описаниях, вставных эпизодах. Во второй главе «Соседи наши» устанавливается противопоставление суда прилинейных казахов и удаленных от линии родов. Указана точная дата — 1824 г., которая соотносится с реальным событием — изменением управления в казахских улусах. Рассказчик сообщает:

Суд и расправа кайсаков прилинейных ныне в руках у султанов-правителей, кои, числом трое, управляют оренбургскими кайсаками с 1824 года, со времени уничтожения ханской власти в степи. <...> Султаны-правители состоят под непосредственным ведением пограничной комиссии, подчиненной военному губернатору; уголовные дела решаются по нашим, русским постановлениям; но суд и ряд удаленных от линии родов киргизских находится в руках сильного; а сильный — это богатый или прославившийся разбоями наездник (Даль 1884: 296).

В этом замечании имеется отсылка к законодательному утверждению новой системы управления казахами Оренбургского края. Проект военного губернатора П. К. Эссена Азиатский комитет рассматривает в 1824 г., на заседании 31 января (Утвержденное мнение... 1960: 205–210). Одной из первоначальных мер, необходимых для реализации проекта управления, называется перемещение хана Младшей орды Шергазы в Оренбург и назначение старших султанов в трех зауральских частях орды (средней, восточной и западной). Эта мера была утверждена императором, также было высказано повеление «вручить султанам-правителям символы их власти — знамена с изображением российского герба и названиями части на татарском языке, а также золотые сабли» (Васильев 2015: 66–67). Шергазы предоставили звание первоприсутствующего Пограничной комиссии, определили содержание в 150 руб. серебром в месяц (Утвержденное мнение... 1960: 208).

В повести Даля показано: российское администрирование региона было сопряжено с трудностями. На отдаленных от линии территориях продолжало действовать право сильного, а не разработанные империей законодательные нормы. Упразднение ханской власти и разделение орды на три части характеризуется как положительное изменение:

Полезное преобразование это последовало по случаю самовольного удаления бывшего хана Ширгазы Каипова в Хиву. Он возвратился с раскаянием, когда хан хивинский обобрал у него, мало-помалу, все подарки царские: алмазы, пожалованные жене его, ханше, ханджар и прочее, и живет теперь милостию правительства нашего, но веса и значения не имеет вовсе» (Даль 1884: 296).

Через образ хана, лишившегося всех царских подарков, показано, что Шергазы совершенно не способен к управлению. Тем самым подчеркивается не только милость российского правительства, но и мудрость решения об упразднении ханской власти в Оренбургском крае.

Для трех султанов-правителей российская администрация подготовила проект инструкции. Их основными обязанностями «признавались сохранение среди казахов порядка и беспрекословное повиновение правительственным распоряжениям» (Васильев 2015: 66–67). В повести Даля акцентируется, что изменение в российском управлении в Степи происходило с учетом традиционного для казахов отношения к правителям: султаны-правители — потомки Чингисхана, «народ кайсацкий принял их, как белую кость Чингиса, с благоговением» (Даль 1884: 296).

Снова на первый план выдвигаются проблема управления регионом и связанные с ней сложности. Создается образ свободолюбивых, с трудом подчиняющихся власти казахов. Так, рассказчик отмечает, что «кайсаки волен и свободен и очень-очень мало повинуются своим султанам» (Даль 1884: 297), хотя в отношении правителя Арынгазы⁶ народ проявлял безусловную покорность. Это определяется как небывалое явление, так как обычно «не ставят они султанов и старшин своих ни во что, и повинуются им только там, где требования их подкрепляются русскими отрядами» (Даль 1884: 297). В образе Арынгазы тема суда и наказания получает дальнейшее развитие. Правитель «умел ладить с народом», и баранта при нем практически прекратилась. Ярлык султана «был свято чтим получателем». В тексте уточняется, что этот справедливый, любимый народом правитель «казнил неоднократно», причем палачом ему мог служить любой из его подданных, «каждый, у кого только на ту пору случался на поясе нож, кидался, наперерыв, исполнить повеление хана, как они обыкновенно называли султана Арунгазы» (Даль 1884: 297–298). Здесь же уточняются характеристики Джан-Кучука, брата Бикейя и его убийцы: говорится, что он часто «служил, бывало, ножом своему хану» (Даль 1884: 298).

В эпизоде об Арынгазы отображается, во-первых, отношение казахов к правителю, сумевшему сплотить народ и установить на какое-то время порядок. Представлено реальное отношение Арынгазы к наказанию. В период его правления происходили многочисленные столкновения с группами кочевников с целью установления порядка в Степи. В таких столкновениях правитель участвовал лично. «Пойманных известных преступников султан без колебаний вешал, хотя, по казахскому праву, смертные приговоры могли выноситься только на народных собраниях. Но эта жесткость и справедливость вызвали бешеную популярность молодого султана в народе» (Васильев 2013: 6).

Во-вторых, в этом эпизоде прослеживается уважительное отношение к Арынгазы представителя российской администрации, знакомого в реальности, а не по документам с трудностями освоения региона. Такое отношение проявлялось и на самом высоком уровне управления краем. Так, военный губернатор П. К. Эссен «изменил принцип формирования ханского совета. ... сместил всех членов совета и потребовал от Шергазы лично, без избрания, назначить представленных им кандидатов. Так председателем совета стал противник хана Арынгазы Абулгазиев» (Васильев 2013: 6). В 1826 г. П. К. Эссен ходатайствует об освобождении Арынгазы и назначении его султаном-правителем средней части орды:

Мне как местному начальнику... надлежит строгий долг находить средства для блага народа. Я признаю, что оное будет восстановлено совершенно, ежели султан Арунгазы, обладающий всеми потребными к тому качествами и доказавший в прежнее время добрые расположения своими многими важными заслугами, будет возвращен в аулы и утвержден правителем упомянутой Средней части. Сие средство есть ближайшее и единственное к достижению благих намерений Правительства в отношении подведомых оренбургскому начальству киргиз, не prestaющих горько и единодушно сетовать на удаление от них Арунгазы, и я ходатайствую об освобождении его и облечении в достоинство султана Правителя (цит. по: Темиргалиев).

⁶ Султан Арынгазы Абулгазы-улы (Абулгазиев) избран 1815 г., в 1821–1823 гг. жил в Санкт-Петербурге, в 1823 г. сослан в Калугу, где скончался в 1832 г.

После эпизода об Арынгазы в повести Даля вновь идут рассуждения об азиатах, кочевых народах, а тема суда раскрывается через новое противопоставление: европейского правосудия и домашней расправы кочевников. Рассказчик отмечает в среде казахов наличие ужасов безначалия и самовластия, к которому кочевники привыкли, поэтому их «трудно вразумить, что дела могли и должны бы идти иначе и лучше» (Даль 1884: 298). Независимость кочевых народов называется дикой и bestолковой. Однако в этих определениях отсутствует что-либо унижительное. «Bestолковая» в данном случае означает силу, не подвластную контролю разума, причем соответствующую природе.

Предпочтение домашней расправы, а не европейского правосудия рассказчик объясняет стремлением казахов решать дела в один прием, чтобы «не тягаться месяцы и годы, не сидеть, ожидая медленной, томительной переписки, в каком-нибудь гнилом остроге» (Даль 1884: 298). Такое отношение к суду и наказанию объясняется особенностями кочевой природы. «Кому мало простора между Яиком и Сыр-Дарьёю, тому тесно и душно заживо в подземном склепе!» — резюмирует рассказчик (Даль 1884: 298). Сразу после этого краткого вывода идет описание коренного суда казахов, в котором дела рассматривались согласно обычному праву.

Место проведения процесса — кибитка, участники суда: хан или султан, почетные аксакалы, бии, старшины, муллы, истец со свидетелями и ответчик со свидетелями. Сначала выступает истец, который «рассказывает дело со всеми подробностями; свидетели поддерживают его, дополняют, поясняют и подтверждают» (Даль 1884: 299). После говорят ответчик и его свидетели. Причем при выступлении каждой стороны «одна половина другую перебивать не смеет, и всеми присутствующими сохраняется глубокое молчание» (Даль 1884: 299). Приговор произносится после совета султана или хана с биями, муллами, во время совета обе стороны выходят из кибитки. После оглашения приговора «дело кончено; нет ни споров, ни апелляций: решение выслушивается в молчании, с уважением, и исполнение следует за ним» (Даль 1884: 299).

Традиционный суд кочевников представлен без идеализации. Рассказчик замечает с иронией: приговор не всегда выносится по справедливости, не все судьи бескорыстны — «...пишкеш, то есть почетные подарки и гостинцы, у азиатцев во всеобщем употреблении и дело редко без этого обойдется» (Даль 1884: 299). То, что кажется рассказчику умеренной взяткой, для кочевой среды — «обычный пишкеш, или буйляк». Казахи жалуются только на тех судей, корысть которых «превосходит силы и достояние просителя» (Даль 1884: 299).

Подобная организация судопроизводства не рассматривается в повести как зло и проявление безотчетного самовластия по сравнению с тем, что случается у оседлых жителей Азии в Хиве и Бухаре. Но в качестве иллюстрации такого самовластия в повесть включена история о «радже кашемирском», который издает ферман о запрещении продажи, утайки хлеба, а весь годичный запас размещает в своих житницах. Население голодает, а раджа далеко не сразу объявляет решение о продаже хлеба, цена которого в итоге значительно повышается. Эта история становится отправной точкой для раскрытия покорности восточного жителя решениям хана и его смирению перед устоявшимся жизненным укладом. Житель Востока «умирает с голоду и терпит, у него и думы нет, чтобы хан, раджа, аталык мог когда-либо поступить иначе: он слышал с детства, что предшественники раджи делали так; он рассказывает детям и внучатам, что потомки раджи будут поступать так же» (Даль 1884: 300). Причем смирение проявляется в отношении любого решения правителя, в том числе касательно наказания преступников. Во всех случаях «бухарец и хивинец спокойно глядят на самовольные, безответные, ужасающие нас поступки хана» (Даль 1884: 300).

Взгляд рассказчика на традиционный уклад восточного жителя двойственен. С одной стороны, он смотрит на него как человек иной цивилизации и отмечает: «Соседи наши стали и стоят уже несколько столетий на одном месте, на одной и той же степени невежества и изуверства: не оглядываются назад, не смотрят вперед и коснеют в тупой и животной жизни» (Даль 1884: 298). С другой стороны, понимает, что это определенный уклад жизни с особым восприятием реальности, поэтому восточный человек может спокойно относиться к любым решениям своего прави-

теля, а с ужасом — к российским тюремным замкам, не понимая, что тюремные крепости нужны как «мера благоустроенной предосторожности» (Даль 1884: 301).

Намеченные противопоставления, связанные с темой суда и наказания, снимаются в рассуждениях в конце второй главы «Наши соседи». Здесь идет речь о человеке вообще: «Очень мало людей гибнет от прямого зла, от сатанинской жажды губить людей и тешиться их томлениями; а гибнет сотни и тысячи от недоумений, от недомолвок, от обычая и обыкновения, от каких-то условных правил и особых ухваток и ужимок житейских и условных законов приличия» (Даль 1884: 304–305). Рассказчик также делает акцент: в истории о Бикее и Мауляне люди тоже представлены «в двойном отношении своем к себе самим и к местности» (Даль 1884: 305), то есть указывает на значение обстоятельств.

С учетом такого ракурса расправа Арынгазы над преступниками без суда получает двойственное толкование. С одной стороны, действия правителя вполне логичны в условиях периодически возникающих в Степи беспорядков. Собственно и «всегда настроенный решительно П. К. Эссен считал единственным действенным средством прекращения беспорядков организацию масштабных и скорых карательных экспедиций вглубь казахских владений» (Васильев 2013: 6). С другой стороны, эта мера никогда не рассматривалась как регулярный метод управления подвластным населением. Представители российской администрации (в том числе автор повести «Бикей и Мауляна») понимали: у рядовых казахов подобная расправа без суда превращается в привычку, которая начинает восприниматься как обычай. И эту тенденцию необходимо направить грамотным администрированием, в том числе реформированием системы судопроизводства, в мирное русло.

Тема суда и наказания в казахской среде развивается далее в главе «Баранта». Здесь разъясняется: баранта — это действие, дозволенное по решению народного суда казахов в конкретных случаях (отказ заплатить, отсутствие признания).

Если один кайсак у другого украдет или угонит скотину, то за это платит он туляу, пеню; если же он отказывается от пени или не сознается в воровстве, а род или аул его не выдает виновного, то бии и аксакалы разрешают обиженному искать права силою; он набирает товарищей и отправляется, говоря барамн-та, пойду до, пойду за — вот вам барамта, или, как говорят русские, баранта (Даль 1884: 320–321).

После идет уточнение: по факту разрешение на баранту превращается в самоуправство, когда «трудно знать лад и меру; один захватывает более, чем ему, по обычаю народному, следовало; другой, предъявляет иск неправый; третий, пользуясь смятением и беспорядками, поживляется сам на свою руку; опять иной, в сумятице, невпопад угоняет скот не того хозяина, которого бы следовало» (Даль 1884: 321).

Если ранее при упоминании баранты делался акцент на то, что это характерное для кочевой среды действие, которое даже популярный в народе правитель не смог полностью искоренить, то здесь значение понятия уточняется, создается образ стихийной, разрушающей силы, которая, с одной стороны, регламентирована казахским судом и представляет собой разрешенное наказание виновного, с другой — как правило, превращается в самоуправство. И эту силу не способны взять под полный контроль ни популярный среди казахов правитель, ни суд согласно обычному праву.

Баранта предстает в образе бесконечной череды преступлений. Начинается все с кражи, после которой баранта разрешается, идет ответный захват имущества. Происходят убийства, причем

...за случайные или умышленные убийства во время баранты со стороны нападающих кун весьма значительный и часто неуплатимый; бывает все это причиною и поводом к тому, что взаимные расчеты, а с ними баранты и междоусобия, поддерживаемые еще сверх этого султанами, которые в мутной воде рыбу удят, расплодилось и размножились до бесконечности. Баранта обратилась в какой-то губительный, разорительный промысел степных дикарей; все роды и племена перепутались во взаимных счетах и начетах и пользуются каждым случаем для взаимного разорения и нападения (Даль 1884: 321).

Баранта разрешалась не только при рассмотрении в народном суде дел о кражах, но и вообще в случае уклонения ответчика от суда⁷ или при срыве исполнения судебного решения⁸. И мнение Даля по отношению к такому способу наказания однозначно, оно созвучно мнению чиновников, военнотружущих, которые столкнулись с данным явлением непосредственно во время своей службы в Центрально-Азиатском регионе или опосредованно, при изучении, разработке законодательных актов в отношении этой территории. Так, в материалах по казахскому обычному праву, которые были опубликованы во второй половине XIX в. Семипалатинским областным статистическим комитетом, в разделе, посвященном уголовному праву, преступлениям и наказаниям вообще, баранта, как и в повести В. И. Даля, называется самоуправством. О ней говорится как о деянии, которое преследуется цивилизационным обществом, но у казахов является вполне закономерным действием:

Самоуправство в виде баранты, т. е. насильственного угона скота, составляет даже род подвига и настолько укоренилось в народном сознании, что борьба с ней русских властей, несмотря на всю свою продолжительность, не дает никаких положительных результатов. Между тем как грабежи и разбои почти исчезли, и в этом отношении умиротворение степи сделало значительный шаг вперед, баранта процветает по-прежнему, обогащая каждый год летописи степного правосудия сотнями и тысячами новых дел о барантах, а в народной памяти число батырей, героев, постоянно возрастает, присоединяя к прежним богатырям новых, прославившихся не борьбой с врагами, с барсом или кабаном, а удачным угоном стад (Материалы 1948: 276).

Заметим, баранта здесь рассматривается именно как самоуправство, а не как грабеж, разбой. Она скорее противопоставляется этим двум правонарушениям: количество грабежей, разбоев возможно сократить, на баранту повлиять невозможно.

В повести Даля отмечается: «Баранта, туляу и кун, кун, туляу и баранта — вот в чем заключается почти все уголовное уложение, все правосудие степных дикарей» (Даль 1884: 322). Рассуждая о баранте, рассказчик снова упоминает о свободолюбии кочевников, которые «неохотно признают над собою власть, а самоуправство предпочитают всякой другой расправе» (Даль 1884: 322). Однако эта характеристика — привычка к самоуправству, взаимным грабежам, разорениям — имеет отношение не к представителям конкретного этноса (как отмечалось выше, в тексте снимается противопоставление восточного и западного человека; говорится о человеке вообще как рабе страстей и рабе привычек, обычаев), а к особенностям их судопроизводства, к привычным для них способам наказывать за преступления. Тем самым проводятся идеи о необходимости и оправданности реформирования судебной системы в регионе, а также о положительном значении цивилизаторской миссии Российской империи, демонстрируется, с какими трудностями столкнулась империя при проведении реформ.

Суть куна как наказания раскрывается, во-первых, через конкретные данные⁹, часть которых совпадает с материалами исследований обычного права казахов XIX в.¹⁰ Во-вторых, через не связанную с событийной канвой повести историю о ссоре двух казахов: «Вот вам пример киргизской расправы: двое кайсаков поссорились при перекочевке за луга; от ссоры до драки у них не далеко — они подрались; один другого укусил в палец» (Даль 1884: 323). Раненого отдали на попечение виновному, под его ответственность, но вылечить не смогли. Родные приезжают за телом, причем вооруженные, начинают угрожать. Криков, шума испугалась девчонка, которая выбегает

⁷ «Если ответчик уклонялся от суда, положение разрешало барымту (угона скота), которая, как и карымта (кровная месть), была самой распространенной нормой во всей Великой степи» (Зинуров 2012: 35).

⁸ Академик С. З. Зиманов отмечает: «... в кочевом обществе казахов персональная виновность воспринималась как виновность сообщества, коллектива, членом которого являлся виновный. Поэтому обеспечение исполнения решения бийского суда становилось коллективной обязанностью. В случае срыва исполнения судебного решения потерпевший (потерпевшая сторона) получал право на “барымту” — угона скота, главным образом лошадей, виновной стороны» (Зиманов 2009: 69).

⁹ Так, в повести сказано: «Цена куна вообще полагается за мужчину 1000, за женщину 500 баранов» (Даль 1884: 322).

¹⁰ Л. Ф. Баллюзек пишет: «Мужской кун равняется 1000 баранам, или 100 лошадям, или 50 верблюдам. <...> Женский кун... равняется половине мужского куна, т. е. 500 баранов, или 50-ти лошадям, или же 25-ти верблюдам» (Материалы 1948: 203).

из кибитки и замерзает. «Сделка и мировая произошли на следующем основании: ты обязан заплатить кун за того, которого ты укусил и залечил; а ты должен заплатить кун за девчонку, которая от тебя погибла» (Даль 1884: 323). Рассказчик отмечает: «...укусивший товарища смертельно в палец платит вместо тысячи только 500 баранов, ибо за остальные 500 поверстался смертию девчонки» (Даль 1884: 323–324). Этот эпизод включен в повесть с целью эмоционального воздействия на читателя. С одной стороны, он способен вызвать возмущение: виновные в убийстве не лишаются свободы, жизни, а рассчитываются за преступление баранами. С другой стороны, здесь показано, что согласно обычному праву казахов учитывается и по-своему наказывается любое преступление, даже причинение вреда по неосторожности.

В описании сборов на баранту подчеркивается, что казахи не берут с собой оружия, «частью, чтобы не обременять себя по-пустому, частью же, чтобы не вводить себя в искушение: убить человека недолго, как они говорят, да после кун выплачивать накладно» (Даль 1884: 325). Кун здесь выступает как сдерживающий от совершения убийства фактор.

О непосредственном взаимодействии казахов с представителями российской администрации говорится в последней главе. Здесь речь идет о Мауляне, вдове Бикея. Джан-Кучук, один из его убийц, приходит к ней с намерением сделать ее своей четвертой женой. В этом он действует согласно обычному праву¹¹, к тому же Мауляна изначально была его невестой, за нее даже выплачивался калым. Мауляна решительно отказывает, угрожает убийством. Сбегает из аула и добирается до Уральска¹², Калмыковой крепости¹³, затем до Оренбурга, где ее принимает военный губернатор. Мауляна сначала говорит главному начальнику, что приехала искать его защиты, а также «просить позволения губернаторского зарезать из рук своих Джан-кучюка» (Даль 1884: 372) как убийцу своего мужа. Просьбу эту она повторяет несколько раз, полагая, что ее неверно понимают из-за переводчика. И главному представителю российской администрации в регионе «стоило большого труда вразумить ее и убедить отказаться от этого предприятия» (Даль 1884: 372).

В этой части повести показано: казахов не всегда устраивают нормы обычного права, так как при соприкосновении с конкретными реальными фактами они могут противоречить человеческой природе. Номадам известно, что они находятся под управлением российской администрации и имеют право туда обращаться, что слово главного начальника из Оренбурга имеет силу и способно перечеркнуть все решения народного суда. Действительно, если в первой четверти XIX в. официальные представители империи на местах поддерживали применение кочевниками собственных правовых норм, то постепенно, в процессе их систематизации, часть получила статус «обычаев, имеющих в степи силу закона», при этом суд по уголовным преступлениям стал производиться согласно российскому законодательству (Почекаев 2019: 145–147).

После получения объяснений о невозможности разрешить убийство Мауляна высказывает другую просьбу: «...объявила она решительно, что по крайней мере не переступит обратно порога, доколе не получит великого слова наместника царского, что она будет жить спокойно в ауле отцовском и не будет выдана за убийц мужа» (Даль 1884: 372). Эту просьбу исполнили: «Мауляна была доставлена под верным прикрытием в аул отца своего... Джан-кучюку намекнули, чтобы он искал себе другой невесты, буде имеет надобность в четвертой жене» (Даль 1884: 373). После убийства мужа Мауляна проживет меньше года. Она умирает от оспы, будучи изгнанной из своего аула как заболевшая.

В рассуждениях об оспе вновь возникает противопоставление казахов, проживающих вдали от линии, и прилинейных. В первом случае заболевший превращался в изгоя, от которого отворачивались все: «...несчастный дикарь, сын степей и разгульной воли, пораженный бичом дикаго человечества — оспою, был покинут всеми и оставлен без крова, без пищи, без призрения, на про-

¹¹ «Вдова после смерти киргиза также непременно должна выйти в замужество за ближайшего его родственника, разве тогда только может от этого освободиться, если она, имея у себя детей, откажется вовсе от замужества» (Материалы 1948: 115).

¹² Город на реке Урал в Западном Казахстане, до 1775 г. назывался Яицким городком.

¹³ Опорный пункт Оренбургской пограничной линии. Крепость была возведена в 1743 г. на правом берегу реки Урал.

извол судьбы» (Даль 1884: 374). Причем такое отношение к больному регламентировано обычаем и проявляло себя также в конце 40-х годов XIX в. Так, в «Своде киргизских обычаев, имеющих в Орде силу закона», составленном оренбургскими чиновниками в 1846 г., отмечается:

46. Если киргиз или жена его, или даже дети будут в оспе, то больной оставляется один в степи в кибитке, для него нарочно приготовленной, куда кладут ему на некоторое время продовольствия, и он находится тут до того, покуда не выздоровит и придет сам к родственникам. Кибитка и все бывшее в ней, в которой лежал одержимый оспою, сжигают огнем (Материалы 1948: 106–107).

Во втором случае, то есть для прилинейных казахов, как показано в повести В. И. Даля, исцеление возможно. «Вблизи линии кайсаки прибегают к помощи казаков: эти берут и вылечивают, как они говорят, иногда зараженных; то есть, не страшась оспы, ходят они около больного, и, коли Бог милостив, то этот встает; в степи, напротив, он почти всегда гибнет уже от одного недостатка в питии и пище» (Даль 1884: 375). Здесь уже присутствует прямое сравнение условий жизни казахского населения, проживающего близко к благотворному влиянию российской цивилизации и в отдалении.

* * *

Итак, в повести В. И. Даля «Бикей и Мауляна» тема суда и наказания раскрывается как в событийной канве, так и в отступлениях от нее — рассуждениях и описаниях, вставных эпизодах со своей событийной логикой. Суд и наказание предстают в следующих ракурсах: право сильного (домашняя расправа кочевников), нормы обычного права, суд биев, российское правосудие.

В событийной канве сделан акцент на домашней расправе кочевников. Причем сначала суд и расправу вершит Бикей, исходя из своих личных побуждений и нарушая несколько норм обычного права казахов. Затем его осуждает отец и над ним вершат расправу братья, которые, в отличие от Бикей, не отказываются от применения силы. Семейный конфликт заканчивается убийством. На протяжении повествования стороны не планируют ни его рассмотрения на суде биев, ни обращения за помощью к российской администрации. В российское судопроизводство дело не попадает. В эпизоде помощи вдове Бикей Мауляне со стороны военного губернатора демонстрируется российское правосудие на управленческом уровне, то есть правосудие не как судебная деятельность, но как принятие обоснованных решений, основанных на законе, понятии справедливости и понимании местных условий.

В отступлениях от событийной канвы тема суда и наказания раскрывается на более широком материале. Во-первых, в повести создается ряд противопоставлений: суда прилинейных казахов и удаленных от линии родов; европейского правосудия и домашней расправы кочевников; баранты как дозволенного судом казахов действия, способного вылиться в самоуправство, и грабежа, разбоя как правонарушений; традиционного суда кочевников и самовластия оседлых жителей. Противопоставление непосредственно с российским судопроизводством отсутствует: говорится о страхе казахов перед судом и подчеркивается непонимание казахами российской меры наказания — заключения в крепости.

В качестве наказаний, которые применяются у азиатских народов, упоминается казнь по решению справедливого правителя, баранта, убийство во время баранты, убийство при разбое, убийство при внутрисемейных разбирательствах (история Бикей), т. е. основной акцент делается на действиях, которые совершаются вне судебного решения или которые превышают меру, дозволенную решением судьи (бия) в качестве наказаний.

Во-вторых, на протяжении повествования проводится идея о положительной для казахов роли русских в регионе. Хотя в произведении снимается антитеза восточного и западного человека, акцентируется, что для каждого характерен особый уклад жизни, особое восприятие реальности, в повести указывается на необходимость влияния на привычку кочевников к самоуправству, изменения характерных для них способов наказывать за преступления. Так проводится идея о необходимости и оправданности реформирования судебной системы в регионе и подчеркивается

положительное значение цивилизаторской миссии Российской империи. Актуальность этой идеи на время написания и издания повести, ее действительный, а не выдуманный В. И. Далем характер проявляются благодаря включению в повествование реальных лиц и фактов, связанных с бытием региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Баллюзек Л. Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой киргизской орде силу закона // *Материалы по казахскому обычному праву. Сборник I. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1948. С. 163–222.*

Даль В. И. Бикей и Мауляна // В. И. Даль. Сочинения В. И. Даля. Повести и рассказы. В 8 т. СПб.; М.: Издание товарищества М. О. Вольф, 1884. Т. 8. С. 267–375.

Материалы по казахскому обычному праву, опубликованные Семипалатинским областным статистическим комитетом в 1886 году // *Материалы по казахскому обычному праву. Сборник I. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1948. С. 239–289.*

Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновниками Оренбургской пограничной комиссии в 1846 г. // *Материалы по казахскому обычному праву. Сборник I. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1948. С. 71–116.*

Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновником особых поручений Д'Андре в 1846 году // *Материалы по казахскому обычному праву. Сборник I. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1948. С. 117–158.*

Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем. 31 января 1824 г. // *Материалы по истории политического строя Казахстана: (Со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской соц. революции): Сборник / АН КазССР; сост. к. ю. н. М. Г. Масевич. Т. 1. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. С. 205–210.*

Ботаева З. Ф. Повседневная жизнь казахского народа в повести В. И. Даля «Бикей и Мауляна» (первая половина XIX в.) // Шаг в историческую науку. Материалы всероссийской конференции молодых ученых. Вып. 17. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2017. С. 8–10.

Васильев Д. В. Россия и Казахская степь в первой половине XIX века: на пути к интеграции // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 4. С. 5–21.*

Васильев Д. В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М.: ИБП, 2015.

Владимир Иванович Даль в Оренбурге: Исторический очерк / сост. Модестов Н. Н. // *Оренбургская ученая архивная комиссия. [Труды]. Вып. 27. Оренбург: Типо-лит. Губ. правления, 1913.*

Далаева Т. Т. Об особенностях военной службы казахских султанов Оренбургского ведомства (XIX в.). URL: <https://articlekz.com/article/18424> (дата обращения: 11.05.2023).

Зиманов С. З. Казахский суд биев — общекультурологическая ценность. Алматы: Арыс, 2008.

Зинуров Р. Н. «Жети жаргы» («Семь установлений») Тауке-хана как великий памятник права: правовой обычай, судопроизводство и наказание // *Проблемы востоковедения. 2012. № 4 (58). С. 32–37.*

Зубова И. К. «...Я пишу не сказку, а быль» // *Оренбургский край: архивные документы, материалы, исследования. Оренбург: ОГПУ, 2001. Вып. 1. С. 122–128.*

Опря О. В. Фольклорные традиции в творчестве В. И. Даля. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Самара, 2003.

Почекаев Р. Ю. Степное право и имперский закон в трудах исследователей казахского права XIX — начала XX в. // Исторический опыт Земских соборов и систематизации законодательства в России: к 370-летию принятия соборного уложения и 470-летию созыва первого земского собора. Сборник научных трудов. Серия: Историческое правоведение. Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2019. Вып. 7. С. 140–154.

Сухих О. Е. Образ казаха-кочевника в русской общественной мысли в конце XVIII — первой половине XIX века. Автореф. дис. канд. ист. наук. Омск, 2007.

Темргалиев Р. Хан Арынгазы — забытый герой казахской истории. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1328337840> (дата обращения: 11.05.2023).

Умарова Г. С. В. И. Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах. Уральск: Ред.-изд. центр ЗКГУ им. М. Утемисова, 2012.

REFERENCES

- Botaeva Z. F. Povsednevnaia zhizn' kazakhskogo naroda v povesti V. I. Dalia "Bikei i Mauliana" (pervaia polovina XIX v.) [The Everyday Life of the Kazakh People in Novel of V. I. Dal' "Bikei and Mauliana" (First Half of the 19th Century)]. *Shag v istoricheskuiu nauku. Materialy Vserossiiskoi konferentsii molodykh uchenykh* [Step into Historical Science. Materials of the All-Russian Conference of Young Scientists]. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2017, iss. 17, pp. 8–10. (In Russian)
- Dalaeva T. T. *Ob osobennostiakh voennoi sluzhby kazakhskikh sultanov Orenburgskogo vedomstva (XIX v.)* [About Features of Military Service of the Kazakh Sultans of the Orenburg Department (19th Century)]. URL: <https://articlekz.com/article/18424> (accessed 11.05.2023). (In Russian)
- Oprya O. V. *Fol'klornye traditsii v tvorchestve V. I. Dalia* [Folklore Traditions in the Works of V. I. Dahl]. PhD diss. abstract. Samara, 2003. (In Russian)
- Pochekaev R. Iu. Stepnoe pravo i imperskii zakon v trudakh issledovatelei kazakhskogo prava XIX – nachala XX v. [The Steppe Law and Imperial Statute in Works of Russian Researchers of Kazakh Law of the 19th — Beginning of 20th Centuries]. *Istoricheskii opyt Zemskikh soborov i sistematizatsii zakonodatel'stva v Rossii: k 370-letiiu priniatiia sobornogo ulozheniia i 470-letiiu sozyva pervogo zemskogo sobora. Sbornik nauchnykh trudov. Seriya: Istoricheskoe pravovedenie* [Zemsky Sobor and Systematization of Russian Law in The Historical Retrospection: to the 370th Anniversary of the Council Code of 1649 and the 470th Anniversary of the First Zemsky Sobor Series: Historical Jurisprudence]. Saint Petersburg: Prezidentskaia biblioteka, 2019, iss. 7, pp. 140–154. (In Russian)
- Sukhikh O. E. *Obraz kazakha-kochevnika v russkoi obshchestvennoi mysli v kontse XVIII — pervoi polovine XIX veka* [The Image of Kazakh Nomads in Russian Public Thought in the Late 18th — First Half of the 19th Century]. PhD diss. abstract. Omsk, 2007. (In Russian)
- Temirgaliev R. *Khan Aryngazy — zabytyi geroi kazakhskoi istorii* [Aryngazy Khan — a Forgotten Hero of Kazakh History]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1328337840> (accessed 11.05.2023). (In Russian)
- Umarova G. S. *V. I. Dal': mir kazakhskogo etnosa v dokumental'no-nauchnykh i khudozhestvennykh tekstakh* [B. I. Dahl: The World of the Kazakh Ethnicity in Scientific Documentary and Artistic Texts]. Ural'sk: Redakcionno-izdatel'skii centr ZKGU imeni M. Utemisova, 2012. (In Russian)
- Vasil'ev D. V. Kazakhskaiia step' v pervoi polovine XIX veka: na puti k integratsii [Russia and Kazakh Step in the First Half of the 19th Century]. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, 2013, no. 4, pp. 5–21. (In Russian)
- Vasil'ev D. V. *Forpost imperii. Administrativnaia politika Rossii v Tsentral'noi Azii. Seredina XIX veka* [Outpost of the Empire. Administrative Policy of Russia in Central Asia. Mid. 19th century]. Moscow: IBP, 2015. (In Russian)
- Zimanov S. Z. *Kazakhskii sud biev – obshchekul'turologicheskaiia tsennost'* [Kazakh Court of Biys – General Cultural Value]. Almaty: Arys, 2009. (In Russian)
- Zinurov R. N. "Zheti zhargy" ("Sem' ustanovlenii") Tauke-khana kak velikii pamiatnik prava: pravovoi obychai, sudoproizvodstvo i nakazanie ["Zheti Zhargy" ("Seven Charters") by Tauke Khan as a Great Legal Document: Legal Custom, Legal Procedure and Penalty]. *Problemy vostokovedeniia*, 2012, no. 4 (58), pp. 32–37. (In Russian)
- Zubova I. K. "...Ia pishu ne skazku, a byl'" ["...I am Writing Not a Fairy Tale, But a True Story"]. *Orenburgskii krai: arkhivnye dokumenty, materialy, issledovaniia* [The Orenburg Region: Archival Documents, Materials, and Research]. Orenburg: OSPU, 2001, iss. 1, pp. 122–128. (In Russian)

Submitted: 16.05.2023

Accepted: 11.09.2023

Published: 10.10.2023